

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ/SCIENTIFIC AND ENGINEERING HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.39>**ЧАСТНЫЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЛЕЧЕБНИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА): ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, КЛИНИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА, РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Научная статья

Левченко Е.В.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-5587-4678;¹ Курский государственный медицинский университет, Курск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ellev4[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье на основе анализа законодательных актов, архивных материалов, статистических данных и трудов отечественных психиатров исследуется феномен частных психиатрических лечебниц как важного сегмента формировавшейся системы специализированной помощи душевнобольным в Российской империи. Рассматриваются правовые условия их создания и функционирования, особенности клинической практики и лечебных методов, кадровое обеспечение, экономические модели, а также региональные особенности развития частной психиатрической инициативы. Особое внимание уделяется роли частных лечебниц в становлении специализированных направлений (наркология, детская психиатрия, психотерапия) и их взаимодействию с земской и государственной медициной. Показано, что, несмотря на социальную ограниченность, частные учреждения выполняли значительную компенсаторную, инновационную и образовательную функции, существенно повлияв на развитие отечественной психиатрии и подготовив почву для последующих институциональных преобразований.

Ключевые слова: частные психиатрические лечебницы, Российская империя, история психиатрии, земская медицина, правовое регулирование, региональное развитие, наркологическая помощь, детская психиатрия.

PRIVATE PSYCHIATRIC HOSPITALS IN THE RUSSIAN EMPIRE (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES): LEGAL REGULATION, CLINICAL PRACTICE, REGIONAL DEVELOPMENT, AND INSTITUTIONAL SIGNIFICANCE

Research article

Levchenko E.V.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-5587-4678;¹ Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

* Corresponding author (ellev4[at]yandex.ru)

Abstract

Based on an analysis of legislative acts, archival materials, statistical data, and the works of Russian psychiatrists, the article examines the phenomenon of private psychiatric hospitals as an important segment of the emerging system of specialised care for the mentally ill in the Russian Empire. It examines the legal conditions for their creation and operation, the characteristics of clinical practice and treatment methods, staffing, economic models, and regional traits of the development of private psychiatric initiatives. Particular attention is paid to the role of private hospitals in the establishment of specialised fields (narcology, child psychiatry, psychotherapy) and their interaction with county and state medicine. It is shown that, despite their social limitations, private institutions performed significant compensatory, innovative, and educational functions, significantly influencing the development of domestic psychiatry and preparing the ground for subsequent institutional transformations.

Keywords: private psychiatric hospitals, Russian Empire, history of psychiatry, county medicine, legal regulation, regional development, drug treatment, child psychiatry.

Введение

Развитие системы психиатрической помощи в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века происходило в условиях глубоких социально-экономических преобразований, роста научного медицинского знания и становления психиатрии как самостоятельной клинической дисциплины. Наряду с государственными, земскими и благотворительными учреждениями существенную роль в этом процессе играли частные психиатрические лечебницы, возникшие как ответ на дефицит коечного фонда и неудовлетворительные условия призрения в ряде казённых и земских заведений, что фиксируется как в источниках эпохи, так и в современных обобщающих работах по истории психиатрической инфраструктуры [6, С. 2–4], [9, С. 18–21].

Несмотря на сравнительно небольшое число, частные лечебницы стали площадкой для апробации терапевтических подходов, более гибких режимов содержания и профессионального обмена между клиникой, университетской школой и судебно-медицинской экспертизой. В историографии их долгое время оценивали как социально ограниченный сектор, однако исследования последних лет показывают, что частная психиатрическая инициатива была встроена в общую систему и в ряде регионов выполняла важные компенсаторные функции [6, С. 6–9], [7, С. 194–199].

Настоящее исследование выполнено в рамках специальности 5.6.6 «История науки и техники», поскольку предметом анализа выступают механизмы институционализации медицинского знания и практик (психиатрии) через правовые нормы, организационные модели лечебниц, внедрение технологий лечения (физиотерапия, трудотерапия, режим «нестеснения») и региональную диффузию профессиональных стандартов [6, С. 10–12], [7, С. 200–206].

Цель статьи — на основе комплексного анализа нормативных, архивных и историко-медицинских источников раскрыть правовые, организационные, клинические и региональные аспекты деятельности частных психиатрических лечебниц в Российской империи в период их наибольшего развития (конец XIX в. – 1917 г.) и определить их институциональное значение в эволюции отечественной психиатрической помощи.

Методы и принципы исследования

Исследование основано на сочетании историко-правового и историко-медицинского подходов. Применены методы:

1. Источниковедческий анализ нормативных актов (сопоставление редакций и практик применения).
2. Сравнительно-исторический анализ организационных моделей лечебниц (количественная ёмкость, персонал, режимы содержания).
3. Контент-анализ профессиональных дискуссий о частной практике и земской медицине.
4. Реконструкция региональной динамики по справочникам и сводным статистическим публикациям [6, С. 13–16], [10, С. 1–3].

Источниковую базу составили:

1. Нормативно-правовые акты (в т.ч. акты Министерства внутренних дел и положения о порядке учреждения и надзора за лечебными заведениями), в том числе материалы «Полного собрания законов Российской империи» [10, С. 412–413].
 2. Архивные материалы: фонды РГИА (Ф.1297), ГАРФ (Ф.102), ЦГИА, а также региональных архивов (ГАКО, ГАТО и др.), содержащие документы об открытии, инспекции, договорах с земствами и отчётности лечебниц.
 3. Публикации и статистика эпохи, включая сводные обзоры призрения душевнобольных [12, С. 5–12].
- Современная научная литература (2019–2024 гг.) по истории российской психиатрии и медицинского регулирования [3, С. 325–335], [6, С. 2–12], [7, С. 194–207], [8, С. 223–251].

Историография и источниковая база

Первые оценки деятельности частных лечебниц содержатся в работах ведущих психиатров рубежа веков — С.С. Корсакова, В.М. Бехтерева, В.П. Осипова, фиксировавших значимость индивидуализированного лечения и организационных инноваций. В советской традиции частная психиатрия нередко трактовалась идеологически упрощённо, что привело к её периферийному положению в обобщающих нарративах. Современные исследования, напротив, смещают фокус на институциональные механизмы развития психиатрии и на региональное многообразие её форм [6, С. 7–11], [7, С. 194–197].

Для контекста взаимодействия медицины, права и профессиональной этики на рубеже XIX–XX вв. важны работы по истории медицинского регулирования и земской практики, демонстрирующие, что «частная практика» во многих случаях сосуществовала с земской службой и дополняла её [2, С. 1–6], [5, С. 4–6].

Правовые основы создания и функционирования частных лечебниц

Правовое поле, в котором действовали частные психиатрические учреждения, формировалось постепенно и долгое время оставалось недостаточно специфицированным. Исходной базой было «Положение о врачебной части» 1836 года, требовавшее обязательного разрешения Медицинского департамента МВД на открытие любого заведения для «душевнобольных» (ст. 201–210). Документ устанавливал общие требования к персоналу, санитарии, режиму и отчётности, но не учитывал клинической специфики психиатрии, что создавало почву для произвольных трактовок и злоупотреблений [5, С. 4–5], [10, С. 412–413].

К концу XIX века, в ответ на участвовавшие случаи необоснованной изоляции лиц по инициативе родственников, государство ужесточило контроль. Серия ведомственных циркуляров МВД (1879, 1887, 1896 гг.) ввела обязательные инспекции врачебными инспекторами и губернаторами, запретила применение мер физического стеснения без медицинских показаний и установила строгий учёт оснований госпитализации («по семейному соглашению», «по решению властей» и т.д.). В результате усиливался административный надзор, закреплялись процедуры инспекций и отчётности. Тенденцию усиления правового и этико-правового регулирования медицинской деятельности на рубеже XIX–XX вв. фиксируют и современные обзоры истории медицинского права [5, С. 4–6].

Процедура открытия лечебницы была многоступенчатой и включала согласования на губернском и ведомственном уровнях. Практика применения норм варьировала регионально: от строгих проверок до формального надзора, что объяснялось разным уровнем медицинской инфраструктуры и административной ёмкости на местах [6, С. 8–9]. Контроль за деятельностью осуществляли губернские врачи, врачебно-полицейские инспекторы, земства (в отношении направленных пациентов) и городские управы.

Важным этапом унификации правил надзора стало закрепление полномочий местной администрации по приостановлению деятельности частных заведений при выявлении нарушений санитарных и режимных требований, а также введение формализованных требований к уставам и ответственности персонала [5, С. 5–6]. Кульминацией правового регулирования стало утверждение 10 июня 1903 года единых «Временных правил» для учреждения частных лечебниц для душевнобольных. В уставы заведений была включена глава об ответственности персонала, а градоначальникам предоставлялось право приостанавливать их деятельность на срок до трёх месяцев за нарушения.

Учреждение для лечения и воспитания умалишённых
доктора медицины Ф.И. Герцога
Владимирова. Иркутск.

Лечебница открывается от Москвы или от
окрестностей и содержит на средства
устройства из Др. медицины Д.В. Фридрихса

Цель лечебницы оказывать врачам помощь
больным обоим полам, страдающим острым
и хроническим алкоголизмом и давать боль-
ным в случае необходимости медицинскую, а так-
же своим же пожеланием медицинскую
медицинскую помощь и лечение при сод-
ветствии их желания.

Лечебница открывается от лечения посто-
янным врачом. Каждый врач имеет
право принимать, а также, по желанию
и брать. Также врач имеет право быть
лично с разрывом сестры. Врачам
Учреждения. Тришпа. Учреждение предва-
рительное право учреждения при лечении ба-
льней врачам на собственном, или быва-
тельном предании, а если должно быть
доведено до стадии итерации врачам Учреждения.

Рисунок 1 - Титульный лист «Инструкции» (устава) частной лечебницы для умалишённых доктора медицины Ф.И. Герцога

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.39.1>

Примечание: Москва, 1830 г; один из первых законодательных актов, регламентировавших открытие и работу частных психиатрических учреждений в России; по ист. 10, С. 412–413

Организация, клиническая практика и кадровый состав

Частные лечебницы представляли собой, как правило, небольшие учреждения на 5–50 коек, однако существовали и более крупные форматы: лечебница «Табора» в Митаве на 200 мест или колония В.В. Ольдерогге в Финляндских шхерах, расширенная до 100 коек. Их организационная гибкость и сравнительно лучшая материальная база обеспечивали условия для внедрения более «мягких режимов» и раздельного содержания пациентов по состоянию и социальным категориям [6, С. 4–6], [7, С. 201–205].

Клиническая практика отличалась ориентацией на индивидуализацию и на сочетание режимных и терапевтических методов. Активно внедрялись современные диагностические классификации Корсакова и Бехтерева. Использовались:

1. Физиотерапия (в т.ч. водолечение, электролечение по методикам Дюбуа-Реймона).
2. Трудотерапия и организованная занятость как элемент реабилитации (садоводство, ремёсла, рыбная ловля).
3. «Моральное лечение» / психотерапевтические практики (прогулки, музыка, чтение, творчество), включая подходы, характерные для европейской «нестеснительной» модели. Лечебница Ханса-Иоганна Лодера в Москве (1828 г.) была знаменита именно таким подходом, давшим русскому языку слово «лодырь» — искажённое «Лодер».
4. Диетотерапия с индивидуальными столами.

Многие лечебницы имели загородные филиалы или санатории (например, «Подсолнечное», «Крюково» в Подмосковье), куда пациенты выезжали на лето или для долечивания, что обеспечивало преемственность стационарной и внебольничной помощи.

Кадровый состав был немногочисленным, но относительно квалифицированным: на 10–15 пациентов приходился один врач, что резко контрастировало с нагрузкой в государственных больницах. Кроме того, частные лечебницы становились средой профессионального становления молодых специалистов и площадкой взаимодействия практики и университетской школы. В них начинали свою карьеру будущие лидеры отечественной психиатрии: Н.Н. Баженов, В.П. Сербский, П.Б. Ганнушкин, А.У. Фрезе и многие другие. Практически все ведущие профессора (С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев, Г.И. Россомо) совмещали работу в университетах и государственных клиниках с консультативной деятельностью в частных учреждениях [7, С. 194–200], [8, С. 223–230].

Экономические модели и социальный состав пациентов

Экономика частной психиатрии базировалась на сочетании:

1. Платежей частных пациентов (стоимость содержания варьировалась от 1 рубля в сутки в общих палатах до 7–10 рублей за палаты «повышенного комфорта» в столицах).
2. Договоров с земствами и городами (например, в Курской губернии земство оплачивало содержание 20–35 больных по тарифу 40–80 копеек в сутки).
3. Доходов от подсобного хозяйства (в отдельных форматах доходы достигали 25% бюджета).
4. Пожертвований.

Социальный состав пациентов был неоднороден. Наряду с состоятельными горожанами присутствовали пациенты по земским направлениям (прежде всего хронические случаи), что превращало частные учреждения в своеобразный «буфер» между дефицитной публичной инфраструктурой и потребностью длительного ухода. Почти в каждой частной лечебнице были бесплатные или льготные койки для неимущих [6, С. 10–12], [12, С. 9–12].

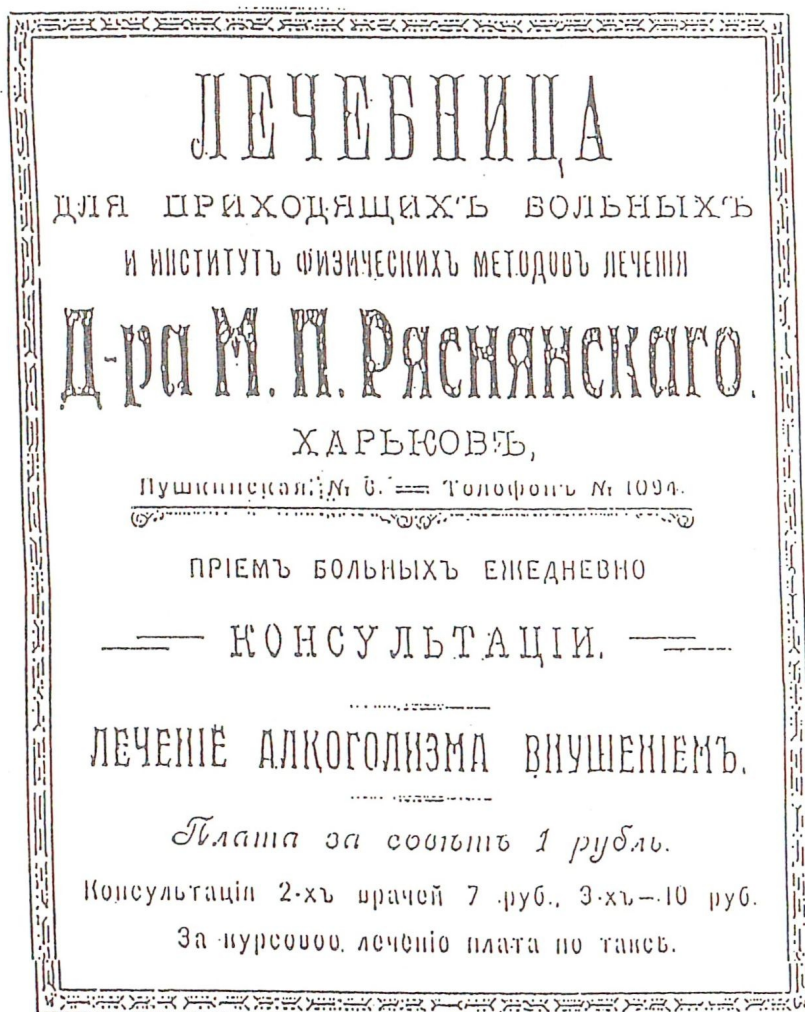

Рисунок 2 - Рекламное объявление частной «Противоволкольной лечебницы» доктора М.П. Распанского в Харькове

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.39.2>

Примечание: 1909 г; характерный пример специализированного частного заведения, предлагающего лечение алкоголизма «внушением» за фиксированную плату; по ист. 11, С. 124–125

Региональные особенности развития

Развитие сети частных лечебниц носило выраженный региональный характер, отражая уровень урбанизации, экономического развития и наличие специалистов.

1. Столичные центры (Москва, Петербург): наиболее раннее и разнообразное развитие частных форм, тесные связи с университетской школой и профессиональными сообществами. Первая лечебница Ф.И. Герцога открыта в Москве в 1827 г. К 1910-м годам в Москве действовало несколько известных заведений (Беккер, Савей-Могилевича, Лахтина) [7, С. 194–199], [8, С. 236–242].

2. Украина (Киев, Одесса, Харьков): высокая концентрация учреждений (только в Киеве и Одессе их было по 11), сочетание стационарной и амбулаторной помощи, участие частных практиков в образовательных инициативах [6, С. 11–12].

3. Прибалтика: сильное влияние немецкой традиции организации лечения и более раннее внедрение «мягкого режима». Лечебница «Зеевальд» в Ревеле, оказывавшая помощь городским властям, была в 1915 г. выкуплена государством и преобразована в земскую [4, С. 22–30].

4. Кавказ и Северный Кавказ: при слабости государственной сети частные учреждения нередко фактически выполняли функции городских стационаров, принимая пациентов по направлениям местных властей [11, С. 140–141].

5. Центральная Россия и Сибирь: более позднее и менее плотное развитие; при этом отдельные центры демонстрировали значительную ёмкость и организационную модернизацию (например, лечебница для алкоголиков профессора Л.О. Даркшевича в Казани, 1896 г.) [6, С. 12–14].

Царство Польское: в Варшавской губернии к началу XX века действовало 11 частных лечебниц, в том числе одна из первых в России специализированных больниц для наркологических больных, открытая К. Токарским в 1887 году.

Таблица 1 - Динамика роста числа частных психиатрических лечебниц и коек в них в Российской империи в XIX – начале XX вв

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.39.3>

Год	Примерное количество лечебниц	Примерное количество коек	Примечания
1827	1 (леч. Ф.И. Герцога, Москва)	-	Начало институционализации
1860	5	132	-
1886	13	412	Около 5% от общего числа коек в стране
Начало XX в.	Более 150	~2000-2500	Пик развития сети

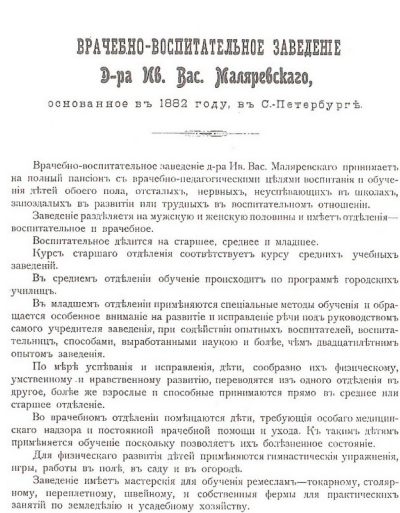
Примечание: сводная реконструкция по статистическим публикациям и современным работам [11, С. 124–127], [12, С. 5–12]

Роль в становлении специализированной помощи: наркология и детская психиатрия

Частные лечебницы сыграли заметную роль в выделении специализированных направлений.

Наркологическая помощь. Частные инициативы становились одними из первых организационных форм системного лечения алкоголизма и иных зависимостей. К 1917 году в России действовало 32 частных заведения наркологического профиля. Они располагались, как правило, за городом, применяли комплекс трудо- и психотерапии, работали на принципах добровольности. Наиболее известной была лечебница В.В. Ольдерогге на острове в Финляндских шхерах [11, С. 124–125].

Детская психиатрия. В условиях ограниченности государственных детских психиатрических отделений частные учреждения выступали первыми площадками специализированной помощи детям. Первой была лечебница для слабоумных детей и эпилептиков, открытая врачом Т.К. Пляцем (Шаном) в Риге ещё в 1854 году. Выдающуюся роль сыграло «Врачебно-воспитательное заведение» И.В. Маляренского в Петербурге (основано в 1882 г.), сочетавшее лечение, педагогику и трудовое воспитание для детей с задержками развития и «нервными» расстройствами [11, С. 158–159].

Помимо общеобразовательных наук, дети, по мере их способностей, обучаются пению и музыке, практически французскому и немецкому языкам, а при желании и английскому.

Лето воспитанники и воспитанницы проводят в имении Сумского, на южном берегу Ладожского озера, где пользуются купанием, верховой ездой, рыбной ловлей и отгулом делают образовательные экскурсии.

Заведение постоянно слезает за вопросами воспитания отсталых детей в России и в Западной Европе, совершенствует методы воспитания под руководством опытных прошлых лет и современных данных и не упускает ни из виду ничего, что может повлиять и исправить умственный и моральный мир ребенка, сделать его пригодным для семьи и общества.

Постоянный медицинский персонал заведения составляют: врач-управитель И.В. Маляренский и жена его — врач Е.В. Маляренская. Консультантами заведения состоят: профессор Клинической Психиатрии Вольной Клиники Елены Павловны Л. В. Бурунова и врач заведения, доктор медицины, Е.Ф. Сол. Боринковский. (За его отсутствием на театр военных действий, его занимает д-р медицины И. В. Боровиков). Кроме того, имеется постоянный врач-терапевт, на случай посторонних случайных заболеваний воспитанников и, по мере надобности, приглашаются консультанты и по другим специальностям.

Педагогический персонал состоит из: законоучителя, преподавателей языков, математики и др. предметов, и воспитателей.

Годовая плата за полный пансион от 480 р. до 800 рублей. При поступлении уплачивается единовременно до 100 рублей на учебные нужды.

Платеж, обувь, белье и постельные принадлежности доставляются родителями в достаточном количестве и с удобствами.

В заведение принимаются и приходящие.

Более подробная информация и условия приема можно получить из самого заведения (лично или по почте), находящегося в г. С.-Петербурге, на Выборгской стороне, по Александровской улице, д. № 15.

Рисунок 3 - Листовка частного «Врачебно-воспитательного заведения» для отсталых и нервных детей доктора И.В. Маляренского

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.39.4>

Примечание: Санкт-Петербург, 1882 г.; демонстрирует комплексный педагогическо-медицинский подход, характерный для первых учреждений детской психиатрии; по ист. 11, С. 158–159

Взаимодействие с государственной и земской системами: конфликт и кооперация

Отношения частного сектора с государственной и земской медициной были противоречивыми. С одной стороны, частные лечебницы критиковались за социальную сегрегацию и кадровый «отток». С другой — объективная нехватка мест и ресурсов делала кооперацию неизбежной: земства и города направляли в частные лечебницы часть пациентов (прежде всего хронических), заключали договоры, использовали частных специалистов в судебной экспертизе и консультировании. Частные психиатры активно привлекались в качестве судебных экспертов, особенно в регионах, участвовали в земских съездах и в разработке медицинской статистики [6, С. 10–12], [7, С. 199–203].

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что частные психиатрические лечебницы следует рассматривать не как периферийный «коммерческий» элемент, а как функциональный компонент смешанной системы призрения и лечения. Их вклад проявлялся в трёх измерениях.

Во-первых, инфраструктурное: частные учреждения частично компенсировали дефицит коек и обеспечивали длительный уход, особенно в регионах с отставшей земской сетью. Сопоставление условий содержания и организационных решений с земскими приютами демонстрирует, что именно организационная модернизация (пространство, вентиляция, разграничение контингентов, режим «нестеснения») становилась аргументом в пользу реформ [6, С. 4–6].

Во-вторых, институционально-правовое: усиление контроля и формализация надзора за частными лечебницами отражали общую тенденцию роста правового регулирования медицинской деятельности к концу XIX – началу XX века [5, С. 4–6].

В-третьих, научно-практическое и кадровое: частные лечебницы были пространством апробации методов и профессиональной социализации. Историко-научные исследования о профессиональной мобильности, стажировках и транснациональном обмене подтверждают роль клинических практик и организационных моделей, заимствованных из европейского опыта, в формировании отечественной психиатрической школы [7, С. 200–206], [8, С. 245–251].

Заключение

Частные психиатрические лечебницы Российской империи конца XIX – начала XX века представляли собой сложный и динамичный социально-медицинский феномен. Возникнув в условиях институционального дефицита и правовой неопределённости, они прошли путь от единичных заведений до разветвлённой сети, игравшей существенную роль в оказании специализированной помощи. Их деятельность регулировалась постепенно усложнявшимся законодательством и практиками надзора, направленными на предотвращение злоупотреблений и повышение ответственности персонала [5, С. 5–6], [10, С. 412–413].

Несмотря на социальную ограниченность и критику со стороны части профессионального сообщества, частные лечебницы выполнили ряд ключевых исторических функций. Они не только предоставляли помощь состоятельным пациентам, но и участвовали в решении общегосударственной проблемы призрения душевнобольных через договорные отношения с земствами и городами. Будучи центрами клинических инноваций и профессиональной подготовки, они оказали непосредственное влияние на становление отечественной психиатрии как науки и практики [6, С. 10–12], [7, С. 199–203].

История частных лечебниц показывает, что частная медицинская инициатива в дореволюционной России могла быть не только коммерческим предприятием, но и элементом общественного здравоохранения, механизмом

институциональных инноваций и каналом трансляции профессиональных стандартов. Рассмотрение этого опыта сохраняет актуальность в дискуссиях о роли частного сектора в здравоохранении, прежде всего в аспекте сочетания регулирования, качества помощи и ответственности [5, С. 4–6].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Debitska M.K. Difficult beginnings of forensic psychiatry in the Russian Empire in the 18th century / M.K. Debitska // Archives of Forensic Medicine and Criminology. — 2023. — Vol. 73. — № 4. — P. 325–335. — DOI: 10.4467/16891716AMSIK.23.026.19498.
2. Lichterman B. From Prussia to Russia: Russian critics of “Aerztliche Ethik” / B. Lichterman // Journal of Medical Ethics and History of Medicine. — 2019. — Vol. 12. — Art. 19.
3. Suvorov V.V. Regulation of medical activity in Russia and Europe in the 10th – early 20th centuries: correlation between ethical and legal principles / V.V. Suvorov, Yu.V. Ishchenko, E.R. Fakhrudinova [et al.] // Russian Open Medical Journal. — 2022. — Vol. 11. — Iss. 4. — Art. e0416. — DOI: 10.15275/rusomj.2022.0416.
4. Losevičs A. State of Psychiatry in the Baltic Governorates of the Russian Empire in the Late Nineteenth Century: Role of Emil Kraepelin (1856–1926) / A. Losevičs // Acta medico-historica Rigensia. — 2019. — Vol. XII. — P. 22–66.
5. Tselishev D.V. The History of Territorial Psychiatric Hospitals in Russia / D.V. Tselishev, M.I. Chernyaev // Consortium Psychiatricum. — 2023.
6. Mitrofanov R. Alexander Frese and the establishment of psychiatry in the Russian Empire / R. Mitrofanov // History of Psychiatry. — 2020. — Vol. 31. — Iss. 2. — P. 194–207. — DOI: 10.1177/0957154X20901648.
7. Panova E.L. Western European influence on the development of Russian neurology and psychiatry, part 1: Western European tours of early Russian neurologists and psychiatrists / E.L. Panova, D.J. Lanska // Journal of the History of the Neurosciences. — 2021. — Vol. 30. — Iss. 3. — P. 223–251. — DOI: 10.1080/0964704X.2020.1840247.
8. Burygina L.A. Celebrating a Storied History: Moscow Preobrazhenskaya Mental Hospital Marks its 245th Anniversary / L.A. Burygina, S.A. Golubev, O.V. Filipchenko // Cureus. — 2023.
9. Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии / Т.И. Юдин. — Москва: Медгиз, 1951.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V–VI: узаконения, касающиеся врачебной части и учреждений призрения. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830–1836.
11. По проекту штата Московской окружной лечебницы для душевнобольных // Российский государственный исторический архив (РГИА). Департамент государственного казначейства Министерства финансов. V отделение, 2 стол. — Ф. 565. — Оп. 5. — Д. 20368. — Л. 16–24.
12. Министерство юстиции. 1897 г. Общее делопроизводство. Дело о составлении заключения Министерством юстиции по проекту Устава Вдовьего приюта при Чесменской военной богадельне (по вопросу о передаче имущества умерших призреваемых в пользу церкви богадельни) // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1405. — Оп. 542. — Д. 1023. — Л. 1–20.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Debitska M.K. Difficult beginnings of forensic psychiatry in the Russian Empire in the 18th century / M.K. Debitska // Archives of Forensic Medicine and Criminology. — 2023. — Vol. 73. — № 4. — P. 325–335. — DOI: 10.4467/16891716AMSIK.23.026.19498.
2. Lichterman B. From Prussia to Russia: Russian critics of “Aerztliche Ethik” / B. Lichterman // Journal of Medical Ethics and History of Medicine. — 2019. — Vol. 12. — Art. 19.
3. Suvorov V.V. Regulation of medical activity in Russia and Europe in the 10th – early 20th centuries: correlation between ethical and legal principles / V.V. Suvorov, Yu.V. Ishchenko, E.R. Fakhrudinova [et al.] // Russian Open Medical Journal. — 2022. — Vol. 11. — Iss. 4. — Art. e0416. — DOI: 10.15275/rusomj.2022.0416.
4. Losevičs A. State of Psychiatry in the Baltic Governorates of the Russian Empire in the Late Nineteenth Century: Role of Emil Kraepelin (1856–1926) / A. Losevičs // Acta medico-historica Rigensia. — 2019. — Vol. XII. — P. 22–66.
5. Tselishev D.V. The History of Territorial Psychiatric Hospitals in Russia / D.V. Tselishev, M.I. Chernyaev // Consortium Psychiatricum. — 2023.
6. Mitrofanov R. Alexander Frese and the establishment of psychiatry in the Russian Empire / R. Mitrofanov // History of Psychiatry. — 2020. — Vol. 31. — Iss. 2. — P. 194–207. — DOI: 10.1177/0957154X20901648.
7. Panova E.L. Western European influence on the development of Russian neurology and psychiatry, part 1: Western European tours of early Russian neurologists and psychiatrists / E.L. Panova, D.J. Lanska // Journal of the History of the Neurosciences. — 2021. — Vol. 30. — Iss. 3. — P. 223–251. — DOI: 10.1080/0964704X.2020.1840247.

8. Burygina L.A. Celebrating a Storied History: Moscow Preobrazhenskaya Mental Hospital Marks its 245th Anniversary / L.A. Burygina, S.A. Golubev, O.V. Filipchenko // Cureus. — 2023.
9. Yudin T.I. Ocherki istorii otechestvennoi psikhiiatrii [Essays on the history of Russian psychiatry] / T.I. Yudin. — Moscow: Medgiz, 1951. [in Russian]
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. V–VI: uzakoneniya, kasayushchiesya vrachebnoi chasti i uchrezhdenii prizreniya [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Volumes V–VI: Legislation concerning medical services and charitable institutions]. — Saint Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830–1836. [in Russian]
11. Po projektu shtata Moskovskoi okruzhnoi lechebnitsi dlya dushevnobolnykh [According to the project of the Moscow District Hospital for the Mentally Ill] // Russian State Historical Archive (RSHA). Department of the State Treasury of the Ministry of Finance. Section V, Table 2. — F. 565. — Op. 5. — D. 20368. — L. 16–24. [in Russian]
12. Ministerstvo yustitsii. 1897 g. Obshchee deloproizvodstvo. Delo o sostavlenii zaklyucheniya Ministerstvom yustitsii po projektu Ustava Vdovego priyuta pri Chesmenskoi voennoi bogadelne (po voprosu o peredache imushchestva umershihkh prizrevaemikh v polzu tserkvi bogadelni) [Ministry of Justice. 1897. General correspondence. Case concerning the Ministry of Justice's conclusion on the draft charter of the Widows' Shelter at the Chesma Military Almshouse (on the transfer of the property of deceased paupers to the almshouse church)] // Russian State Historical Archive (RSHA). — F. 1405. — Op. 542. — D. 1023. — L. 1–20. [in Russian]